

П. Засодимский

В метель и вьюгу

(святочный рассказ)

I

День 25 декабря был сумрачный. Над городом низко нависли серые облака; шел снег. Смеркалось раньше обыкновенного; в три часа в домах зажгли огни. В сумерки весь город уже казался занесенным снегом. Все было в снегу: мостовые, крыши, заборы, деревья в садах... На улицах не видно было ни души. Только по красноватым огонькам, мерцавшим в окнах, можно было догадываться, что в этом белом, снегом занесенном городе жили-были люди.

Вечером разыгралась метель. Снег крупными хлопьями повалил с затянутого тучами неба. Холодный северо-восточный ветер бушевал... Как бешеный, как лютый зверь, с цепи спущенный, носился он по городским улицам и площадям, рвал и метал, дико завывая в трубах, и с ревом и стоном уносился за город - в поля, в леса, вздымая облака снежной пыли. Под напорами ветра деревья гнулись и скрипели жалобно. Флюгера на крышах как будто совсем растерялись и в недоумении, с визгом, вертелись туда и сюда, точь-в-точь как люди, застигнутые внезапно налетевшей бедой.

- Вот так погоду Бог дал для праздника! Свету Божьего не видать, говорили они, сидя в теплых комнатах и посматривая в окна.

- Да! Хорошо теперь тому, кто под крышей, - замечали другие, с великим удовольствием думая о том, что им самим тепло и хорошо и никуда им не надо идти в такую снежную бурю.

На улицах по-прежнему было не видать ни проезжего, ни прохожего.

- Господи, спаси и помилуй, ежели теперь кто-нибудь в дороге, в степи! - со вздохом говорили сидевшие в тепле.

- В такую погоду добрый хозяин собаку на двор не выгонит, - рассуждали жалостливые люди.

Действительно, даже собак было не видно и не слышно. Все они попрятались в сени, в сараи, забрались на вышки... Правду говорили добрые люди: свету Божьего было не видать, и хозяин собаку на двор выгонял... но человек выгнал человека из дома, даже в такую непогоду!..

На конце пустынной, широкой улицы в снежном вихре вдруг показалась какая-то девочка. Она тихо, с трудом брела по сугробам. Она была мала, худа, бедно одета. На ней было серое пальтишко с узкими, короткими рукавами, а на голове платок, какая-то рвань, вроде грязной тряпки. Платок прикрывал ей лоб, щеки, подбородок; из-под платка только блестели темные глаза да виден был кончик носа, покрасневший от холода. На ногах ее были большие черные валенки, и они, видимо, ей приходились не по ноге. Она медленно подвигалась вперед; валенки хлябали и мешали ей идти... Левой рукой она поминутно запахивала раздувавшиеся полы своего серого пальтишка, кулак же правой руки она крепко сжимала и держала у груди.

А снег все шел и шел, и вьюга бушевала. Ветер с яростью налетал на девочку, обдувая всю ее холодом и снегом. Он бесновался и крутился вокруг этой малютки, словно желая подхватить ее с земли, закружить в снежном вихре, вместе с ее черными валенками, и невесть куда умчат на своих холодных крыльях. А девочка все брела, пошатываясь и спотыкаясь...

Вдруг ветер с такой силой ударил ее, что девочка невольно протянула руки вперед, чтобы не упасть, и кулак ее правой руки разжался на мгновение. Девочка

остановилась и, наклонившись, начала что-то искать у себя под ногами. Наконец, она опустилась на колени и своими худенькими посиневшими ручонками стала шарить по сугробу. Через минуту пушистый снег уже покрывал ей голову, плечи и грудь, и девочка стала похожа на снежную статую с живым человеческим лицом. Она долго искала чего-то, долго рылась в снегу...

- Господи! Что же мне теперь делать? - растерянно прошептала она.

Глаза ее были полны слез и смотрели жалобно... Она подняла голову и взглянула вверх... Белые хлопья падали и падали на нее с темного мглистого неба.

- Как же я теперь?.. - шептала девочка, беспомощно оглядываясь по сторонам.

Сквозь метель и вьюгу в окнах были видны брезжащие огоньки... «Счастливые! - подумала девочка. - Хорошо им теперь под крышей, в тепле, у огонька». Слезы катились по ее щекам и застывали на ресницах. Девочка вся дрожала от холода, от пронизывающего ветра. Она опять стала смотреть вверх. А вверху - все то же... Ночное небо - темно и мглисто.

Девочка уже не пыталась идти и, закрыв глаза, только тяжело вздыхала. Шум и завывание ветра уже смутно доносились до нее. Ее начинало клонить ко сну... Она чувствовала, что замерзает, собрала последние силы и приподнялась.

- Эй! Помогите!.. Добренькие... - с отчаянием, дрогнувшим голосом крикнула она сквозь слезы, но звуки едва успевали слетать с ее губ, как ветер подхватывал их, рвал и заглушал, разнося на все четыре стороны.

Ни души живой не было вокруг; никто не слышал ее слезного призыва.

Девочка снова опустилась на снег. Еще несколько минут - и она заснет беспробудным, смертным сном...

А снег все шел и шел - и заносил несчастную малютку.

II

В это время с противоположного конца пустынной улицы шел какой-то высокий, рослый человек с палкой в руке, одетый не очень красиво, но зато тепло. Ветер изо всей мочи бесновался над ним, вьюга слепила ему глаза, но он твердой поступью шел вперед, опираясь на палку; видно, человек был здоровый, сильный и крепкий на ногах.

- Дуй, дуй, - весело говорил он налетевшему на него ветру, сыпавшему ему снегом прямо в лицо. - Дуй!.. Небось, не сдунешь! Ведь наш брат, рабочий, тяжел на подъем... Видали мы и не такие метели, да...

И вдруг он остановился, прервав на полуслове свой разговор с метелью. С изумлением увидел он перед собою полузанесенное снегом живое человеческое существо.

- Кто тут? - спросил он, наклоняясь.

- Это я! - послышался слабый детский голосок.

- Гм! Что же ты тут делаешь? - спрашивал рабочий.

- Денежку ищу...

Девочка, стоя на коленях, вся в снегу, смотрела, как спросонок, на стоявшего перед нею великана.

- Какую денежку? - переспросил тот.

- Денежку - трешник!.. - вяло, как со сна, бормотала девочка, еле ворочая языком. - Хозяйка послала за свечкой... в лавку... дала два трешника... а я выронила!.. Один трешник - вот, а другого не нашла...

Девочка разжала кулак и показала на ладони темную медную монетку.

- Отчего же домой не идешь? - сказал рабочий.

- Боюсь!.. Хозяйка опять станет бить... - пролепетала малютка.

- Ну, будет толковать! Тут и я с тобой, пожалуй, замерзну... Вставай-ка! Живо! Пойдем ко мне! - заговорил великан, поднимая девочку на ноги и отряхивая с нее снег. - Идти-то можешь? - спросил он, посмотрев на нее.

- Ноги не слушаются... - отвечала девочка, пошатываясь.

- Эх, девка, девка!.. Ну, да ладно, как-нибудь до дому доберемся! - сказал рабочий и поднял ее, как перышко.

И пошел он, одной рукой крепко прижимая ее к груди, чтобы ей было теплее, а другой опираясь на палку. Ветер с бешенством обрушился на него, словно злясь за то, что у него отняли добычу. Он налетал на рабочего то справа, то слева, то хлестал в спину снежным вихрем, то ударял в лицо и заслеплял глаза.

Тьфу ты, провал тебя возьми! - не выдержал рабочий, шатнувшись в сторону со своей маленькой живой ношей. - Ведь с ног же, однако, не сшибешь. Шалишь, брат!..

Девочка широко раскрыла глаза и прислушалась.

- Вишь, сегодня сердит больно, разбушевался на беду, - ворчал рабочий. - Не нашел другого-то дня! В самое Рождество этакую кутерьму затеял. Да добро! Нашего брата не проберешь... Мы и в жару не горим, и в стуже не мерзнем...

- Ты, дяденька, с кем же разговариваешь? - спросила девочка, высывая из-под рваного платка кончик своего красного носа.

- С Ветром Ветровичем говорю! - отвечал великан. - Не все же ему одному зверем реветь, надо и человеческому голосу свою речь повести...

Миновали они широкую пустынную улицу, прошли один переулок, завернули в другой и вскоре очутились на берегу речки, почти за гордом. Тут рабочий вдруг заметил, что к нему пристала какая-то рыжая, жалкая, лохматая собачонка. Она шла за ним, запорошенная снегом, вся как-то сгорбившись, поджав хвост и низко понуриив голову. Так ходят люди, забитые бедностью и горем... Собака шла за человеком, и человек не отгонял ее.

На берегу стояло несколько хат, теперь почти совсем занесенных снегом. В одну из этих хат вошел рабочий, - рыжая, всклокоченная собачонка шмыгнула за ним. Под конец дороги девочка дремала, и теперь, вдруг очутившись в тепле, она с изумлением раскрыла глаза и увидала себя в чистенькой, светлой комнате. На белом деревянном столе горела жестяная керосиновая лампа. Новые бревенчатые стены были не оклеены и пахли еще сосновой смолой. Лавки и две-три желтых стула стояли в комнате. На стене висели календарь, небольшие часы и какая-то дешевенькая раскрашенная картинка, а в переднем углу - образ. Маленькая дверь вела за перегородку в кухню. В кухне стояла большая русская печь и одной стеной выходила в комнату, и тут несколько приступочков вели на печь. Кухня оставалась впотьмах; свет из комнаты смутно проникал в нее через дверь и поверх перегородки, на четверть аршина не доходившей до пола. Рабочий спустил девочку с рук, снял с нее платок и пальто.

- А теперь садись, вон, на приступочек у печки, и разувайся! - командовал он. - Валенки-то, поди, мокрехонькие...

Девочка села и лишь только шевельнула ножонками, как валенки моментально сползли на пол. Хозяин сходил на кухню и принес оттуда рюмку. В рюмку было налито немного водки.

- Пей! - сказал он, подавая девочке рюмку.

Та выпила и поморщилась.

- Горько небось? - спросил хозяин.

- Горько, дяденька, страсть! - отозвалась девочка.

- Ничего! Горько, да с морозу полезно! - заметил великан, наливая и себе водки. - Будь здорова! - сказал он, кивнув девочке головой и осушая рюмку.

- Кушай на здоровье! - степенно промолвила гостья.

Теперь она сидела на приступочке, сложа руки, и пристально, не сводя глаз, смотрела на хозяина. Это был дюжий, широкоплечий мужчина, головой выше обыкновенного высокого роста. Пол дрожал под ним, когда он проходил по комнате.

«Вот такого и Ветер Ветрович не свалит с ног, - подумала девочка и мысленно же добавила: - И хозяйкину братцу не тягаться с ним!..»

Лицо этого великана было чрезвычайно добродушное; по его голубым глазам и по светлой улыбке можно было догадаться, что в этом большом, мощном тела жила чистая, детская душа... Его белокурые короткие волосы вились кудрями и падали на лоб; густая борода его свешивалась на грудь. Ему, казалось, было лет под 40. Теперь он был в праздничной серой блузе, подпоясанной красным поясом, и в длинных сапогах.

Поставив рюмку в шкаф, он подошел к девочке и, упершись в бока своими громадными кулачищами, с веселой улыбкой посмотрел на нее... Девочка была в ситцевом полинявшем платице с розовыми цветочками. Ноги были босы. Ее темные волосы, мягкие как шелк, без всякой прически падали ей на глаза. Ее большие карие глаза, оттененные густыми и длинными ресницами, смотрели теперь совершенно спокойно, беззаботно, как будто не над нею несколько минут тому назад бушевала вьюга-непогода и не она была на шаг от смерти.

- Встань-ка да походи, а еще лучше побегай!.. - сказал ей хозяин. - Согреешься отлично... Бежи! Я догонять тебя стану...

Девочка вскочила и побежала по комнате. Конечно, великану трудно было бы не догнать ее: не сходя с места, только протянув руку, он мог всюду ее достать. Он сделал вид, что бежит, гонится за нею, а сам, вместо того, топтался на месте и топтался так ужасно, что в комнате и в кухне все ходило ходуном.

- Ну, что? Ноги согрелись? Вот и ладно!.. - сказал хозяин. - Садись же опять на свой приступочек, у печки-то тепленько...

Он вытащил из кармана маленькую коротенькую трубочку, набил ее и закурил.

- А теперь, девчурка, мы станем с тобой разговаривать! - промолвил он, садясь перед нею на скамью и потягивая свою трубочку-носогрейку.

За стенами хаты метелица мела, вьюга бушевала. В хате было тихо, тепло и светло. Временами было слышно, как за печкой сверчок трещал.

Рыжая косматая собачонка смиренно свернулась у порога и, подремывая, одним глазом посматривала порой на собеседников.

III

Девочка уже совсем согрелась, ожила. На щеках ее яркий румянец горел, глаза блестели... Теперь, несмотря на свои распущенные волосы, на босые ножонки и на полинявшее платице, она оказалась очень хорошенькой девочкой... Откинув назад свои растрепавшиеся волосы, она приготовилась со вниманием слушать «дяденьку».

Великан выпустил из-под усов седой клуб табачного дыма и начал:

- Прежде всего, моя красавица, как тебя зовут?

- Зовут Машей! - бойко ответила девочка.

- А меня - Иваном!.. - Вот и будем мы «Иван-да-Марья»... Скажи же мне, Маша, теперь: где ты живешь?

- Живу в людях...

- У чужих людей, значит?

- Да. У Аграфены Матвеевны... Знаешь?.. У нее дом в Собачьем переулке! - пояснила девочка.

- Собачий переулочек знаю очень хорошо, а Аграфену Матвеевну не знаю... Но где же твой отец и мать?

- Умерли. Отца я совсем не знала, а маму чуть-чуть помню...

- Как же ты очутилась у чужих людей? Почему они тебя взяли к себе? - спрашивал хозяин.

- Не знаю! - отвечала Маша.

- С каких же пор, давно ли ты живешь в людях?

- Не помню!

- Гм! Вот так штука!.. - проговорил великан, смотря на свою гостью и в недоумении почесывая затылок. - Ну, кроме хозяйки, кто же еще жил с тобой?

- А жил еще хозяйкин муж и ее брат.

- Что ж, тебе плохо было у них?

- Хозяин-то ничего, смирный такой, тихий... Ни одной колотушки я не видала от него... - рассказывала девочка. - А сама хозяйка... ну, рука в нее тяжелая! Повесила она на стене, над моей постелью, ремень - и этим ремнем все была меня... А уж особенно хозяйкин брат... и-и-и, беда! Колотил меня - страсть! Вот и вчера еще он все руки мне исщипал... вон, видишь как!

Девочка засучила рукав, и действительно, повыше локтя, на белой коже были явственно видны сине-багровые пятна.

- Господи, Боже Ты мой! И поднимается рука на малого ребенка! - сказал великан как бы про себя. - Гм! Уродятся же такие люди... Диво!

Он удивлялся, потому что сам никогда не мог поднять руки на ребенка. Сильные люди обыкновенно бывают смирны и не драчливы.

- Ты жила у них в работницах, что ли? - спросил хозяин, немного погодя.

- Да, в работницах!

- Что же ты работала?

- Да все, - говорила девочка. - За водой ходила, в горнице убирала, шила, вязала, в лавочку бегала, туда и сюда... Летом работала в огороде, поливала, полола.

- Так ты умеешь шить и вязать? - спросил хозяин.

- Умею... Да что ж за мудрость! - серьезным тоном промолвила Маша, разглаживая на коленях платье.

- Ох ты, работница-горе! - сказал великан, с грустной улыбкой посмотрев на девочку.

- А что ж такое? - отозвалась та. - Я только кажусь такая маленькая, а лет-то мне уж много...

- А как много?

- Семь лет, восьмой пошел.

- И вправду много!.. - с усмешкой промолвил великан. - Ну, теперь слушай!..

Девочка уселась поудобнее и, притаив дыхание, собралась слушать «дяденьку», вообразив, кажется, что он долго станет о чем-то говорить ей.

- Оставайся у меня! Будем жить вместе... Вот и весь сказ! - проговорил великан, стукнув трубкой по колену.

Он быстро решался и быстро задуманное им приводил в исполнение. «Эта девочка - сирота, родных у нее никого нет, - рассуждал он, - значит, я имею такое же право, как хозяйка ее, Аграфена Матвеевна, взять к себе девочку. И я возьму ее, потому что у Аграфены Матвеевны ей жить худо, а у меня ей будет хорошо». И великан, в знак решимости, еще раз стукнул трубкой по колену.

- Видишь... - продолжал он, - был у меня братишка немного поменьше тебя... Он помер! А ты вместо него оставайся у меня и зови меня братом! Слышишь?.. Ну! Остаешься у меня?

Девочка с изумлением смотрела на него.

- А как же хозяйка? - возразила она. - Ведь она меня за свечкой послала...
- Ну, свечку она сама себе купит! - сказал рабочий. - А два ее трешника я завтра отнесу ей.

«Если за прокорм девочки запросит денег, дам ей денег... Немного деньжонок-то у меня есть!» - подумал он.

- А есть у тебя какое-нибудь имение - платья, тряпки там, что ли?

- Ничего, братец, у меня нет! - отвечала Маша. - Есть две старые рубашки, да и те уж совсем развалились.

- Тем лучше, девчурка, - промолвил хозяин. - Это дело, значит, мы живо покончим. А если твоя Аграфена Матвеевна заартачится, так мы синяки покажем. А теперь, Маша, давай-ка ужинать!

Он вынул из печи теплых щей горшок, кусок баранины с гречневой кашей и пирог с яйцами. Девочка с удовольствием ела и щи, и баранину, и вкусный пшеничный пирог. Рыжая собачонка той порой также подошла к столу и с живейшим интересом смотрела на Машу и хозяина.

- Как тебя звать? - обратился к ней хозяин.

Собака взглянула на него, хотела как будто встать, но вместо того только несколько раз хлопнула хвостом по полу.

- Гм! Сказать-то не можешь! Экое горе!.. А все-таки как-нибудь звать тебя надо, - говорил хозяин. - Ну, будь ты с сегодняшнего дня «Каштанкой»! Каштанка! - крикнул он.

Собака сорвалась с места и подбежала к нему.

- Ну, вот и отлично! Будем жить втроем, как-нибудь промаячим. А ты, Каштанка, береги без меня мою сестрицу, хорошенько сторожи ее! Слышишь?

Девочка весело засмеялась. Собака, посматривая на хозяина, самым решительным образом помахивала хвостом. Хозяин накрошил в кринку хлеба, облил его молоком и дал Каштанке. В комнате несколько минут только и слышно было на крынке: «хлеп- хлеп- хлеп»... Поужинав, Маша сказала братцу «спасибо» и опять села на приступочек у печки: она уже привыкла к этому местечку, оно нравилось ей.